

А. М. МУХИН

О КАТЕГОРИИ ПАДЕЖА В СОВРЕМЕННОМ
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о падежной системе имени существительного является одной из наиболее спорных проблем грамматики современного английского языка.

В зарубежном и в советском языкознании господствует точка зрения, согласно которой в английском языке различаются два падежа, один из которых (так называемый общий падеж) характеризуется отсутствием положительного падежного показателя и выделяется только из сопоставления с другим падежом, который имеет показатель *-s*. Этот последний в одних грамматиках именуется родительным, в других — притяжательным падежом.

Однако некоторые советские ученые ставят под сомнение наличие падежей у имени существительного в английском языке. Так, Б. А. Ильин считает, что «постепенное, но неуклонное разрушение английского склонения привело к тому, что самое существование падежей в современном языке стало сомнительным»¹.

Против трактовки форманта *-s* как падежной флексии выступила Г. Н. Воронцова, которая, исходя из того, что *-s* может оформлять не только одно существительное, но и целую группу слов, приходит к выводу, что он представляет собой служебную частицу — послелог².

По мнению Г. Н. Воронцовой, формант *-s*, восходящий к древнеанглийской флексии родительного падежа, приобретает такую роль в результате борьбы с постпозитивным притяжательным местоимением *his*. Эта борьба, продолжавшаяся в течение двух-трех веков, привела, по словам Г. Н. Воронцовой, к установлению «неоспоримой общности значения форманта и притяжательного местоимения» и отсюда — к признанию «известной самостоятельности форманта, его независимости от существительного (как основы единого слова) в выражении притяжательности»³.

Однако отсутствие самостоятельного исследования языковых фактов среднеанглийского и начала новоанглийского периодов⁴ не позволило Г. Н. Воронцовой установить истинную связь между формантом и постпозитивным местоимением, которая представляется ей в виде схождения, в результате длительной борьбы первоначально различных, не связанных между собой языковых явлений. По этой же причине осталось невыясненным, почему «неоспоримая общность значения форманта и притяжательного местоимения», приведшая, по мнению Г. Н. Воронцовой, к отрыву форманта от существительного (на письме при помощи апострофа),

¹ Б. А. И л ь и н, История английского языка, Л.—М., 1938, стр. 218.

² См. Г. Н. В о р о н ц о в а, Об именном форманте *-s* в современном английском языке, «Ин. яз. в шк.», 1948, № 4.

³ Там же, стр. 8.

⁴ Г. Н. Воронцова лишь ссылается на несколько примеров с постпозитивным притяжательным местоимением, приведенных в «Синтаксисе» Дж. Кёрма (см. там же, стр. 8).

установилась только в XVII в., а не раньше, скажем, в XIII, XIV или XV вв., когда конструкции с постпозитивным притяжательным *his*, как показывают памятники того времени, получили большое распространение в языке.

В освещении этого вопроса Г. Н. Воронцовой остается также непонятным, почему наряду с формами на *-(e)s >-'s* для выражения притяжательных отношений в языке появляются конструкции с постпозитивным притяжательным местоимением *his*. Необходимо также выяснить, почему появляются предложные конструкции с *of* для выражения тех же самых отношений.

В данной работе делается попытка ответить на указанные и некоторые другие вопросы, связанные с судьбой родительного падежа в английском языке.

*

В древнеанглийском языке родительный падеж имел широкую сферу употребления и множество значений. Так, родительный приименный, кроме принадлежности в широком смысле, мог выражать следующие отношения: объектные, количественно-отделительные, внутреннего содержания, качественной характеристики и др. Различные отношения выражал родительный падеж при прилагательных и глаголах. Все это многообразие отношений реализовалось при помощи окончаний родительного падежа, не одинаковых у разных основ. Однако вследствие редукции окончаний, вызванной наличием динамического ударения на коренном слоге, большинство окончаний родительного падежа в древнеанглийском языке утратило первоначальную ясность и выразительность. Нечеткость падежных окончаний порождала их смешение, о чем говорит появление большой массы разносклоняемых существительных.

Редукция и смешение падежных окончаний приводили к все большему затемнению их значения и вследствие этого порождали тенденцию к их отпадению. Как известно, эта тенденция привела к исчезновению в среднеанглийский период формальных различий между именительным, дательным и винительным падежами существительного. Вместо дифференцированных по падежам (именительному, дательному, винительному) и числам форм существительных стали употребляться лишь дифференцированные по числам формы — форма единственного числа и форма множественного числа. Последняя имеет в большинстве случаев суффикс *-ees*, ставший к XIII в. почти универсальным показателем множественного числа существительных в северных и центральных диалектах (в южных несколько позже). Отношения, передававшиеся ранее формами именительного, дательного и винительного падежей, в дальнейшем стали выражаться посредством порядка слов и предложных конструкций.

Указанная тенденция захватила также и четвертый падеж — родительный. В языке XIII—XIV вв., как можно судить по многочисленным памятникам этого времени, происходит отпадение окончаний родительного падежа и развитие новых средств передачи его значений.

Различные отношения, передававшиеся в древнеанглийском языке при помощи окончаний родительного падежа в его приаъективном и приглагольном употреблении, с отпадением этих окончаний в среднеанглийский период также начинают передаваться или путем простого соположения форм существительных, лишенных падежных показателей, или при помощи предлогов.

Тенденция к отпадению окончаний родительного падежа наблюдается также и в сфере выражения отношений принадлежности. Так, например, при сравнении четырех основных рукописей памятника XIV в. *Cursor*

Mundi¹, из которых две — Cotton MS. (вариант C) и Göttingen MS. (вариант G) — написаны на северных диалектах, третья — Fairfax MS. (вариант F) — на северо-западном и четвертая — Trinity College Library MS. (вариант Tr.) — на восточно-центральной, обнаруживается, что в одних случаях в них употреблены формы без падежного окончания, в других — формы на *-(e)s* тех же самых существительных, причем в одной и той же рукописи чередуются формы на *-(e)s* и без окончания. Ср., например: *in þis man time* (7056 — C, F) «во времена этого человека», *monnys hert* (340 — F, C, G, Tr) «сердце человека», *þis lamb blod* (6075 — C, F), *þat lambis blod* (6075 — G, Tr) «кровь этого ягненка» и т. д.

Это явление наблюдается не только в языковых памятниках XIII—XIV—XV вв., написанных на северных, восточно-центральных, западно-центральных и юго-западном диалектах². Как показывают официальные документы и другие языковые памятники конца XIV—XV вв., оно характерно также и для лондонского диалекта.

Употребление нейтральных к падежу форм существительных вместо форм родительного падежа в сфере выражения отношений принадлежности наблюдается в языке второй половины XIII—XIV вв. не только в единственном, но и во множественном числе. Так, вместо форм родительного падежа множественного числа *tanne*, *broðre* и т. д., употреблявшихся в начале среднеанглийского периода, стали употребляться нейтральные к падежу формы множественного числа *men*, *breðer* и т. д. Например: *þi breþer stat* (C. M., 4092) «положение твоих братьев», *gentil men children* (Trev., I, 243) «дети благородных людей» и т. д.

Аналогичным образом стали использоваться нейтральные к падежу формы с суффиксом множественного числа *-es* вместо форм родительного падежа множественного числа на *-e*: *bitwene his tweie lengest fyn-gres endes* (Trev., II, 179) «между концами его двух самых длинных пальцев» и т. п. Употребление в XIII—XIV вв. форм существительных, нейтральных к падежу, вместо форм с остаточной флексией род. падежа *-es* говорит о том, что значение последней как падежного показателя не ясно осознавалось.

Процесс разрушения родительного падежа в сфере выражения отношений принадлежности, как и в сферах других отношений, обусловил появление новых средств выражения этих отношений — предложных кон-

¹ В статье приняты следующие сокращения: C. M. — «Cursor Mundi» («The Cursor of the world»), ed. by R. Morris, («Early English text society»), parts I—VI, 57, 59, 62, 66, 68, 99, London, 1874—1892 (цифры, приводимые в тексте, обозначают строку); Trev. — «Polychronicon Ranulphi Higden, monachi Cestrensis, together with the English translations of John Trevisa and of an unknown writer of the fifteenth century» («Rerum Britannicarum medii aevi scriptores», vol. I—VIII, ed. by Ch. Babington and J. R. Lumby), London, 1865—1882 (цифры указывают: римская — том, арабская — страницу); Lay. — «Layamon's Brut or Chronicle of Britain, a poetical Semi-Saxon paraphrase of the Brut of Wace», ed. by F. Madden, vol. I—III, London, 1847 (цифры указывают: римская — том, арабская — страницу); L. S. — «Aelfric's Lives of saints», parts I—IV, ed. by W. W. Skeat («Early English text society», 76, 82, 94, 114), London, 1881—1900 (цифры указывают: римская — номер проповеди, арабская — строку); Or. — «Kings Alfred's Orosius», part I, ed. by H. Sweet («Early English text society», 79), London, 1883 (первая арабская цифра указывает страницу, вторая — строку); Bosw. — «An Anglo-Saxon dictionary based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth, edited and enlarged by T. Northcote Toller», Oxford, 1898 (арабская цифра обозначает страницу); Gen. and Ex. — «The story of Genesis and Exodus, an early English song, ed. by R. Morris» («Early English text society», 7), London, 1865 [reprinted 1895] (арабская цифра обозначает строку); Wills — «The fifty earliest English wills in the court of probate», ed. by F. G. Furnivall («Early English text society», 78), London, 1882 (первая арабская цифра указывает страницу, вторая — строку).

² В южных диалектах разрушение падежной системы существительных, а также согласующихся с ними прилагательных, адъективных местоимений и артикля происходило несколько медленнее, чем в северных и центральных диалектах.

струкций с *of*. Однако предлог *of* как средство выражения грамматических отношений, передававшихся в древнеанглийском языке при помощи флексий родительного падежа, утверждается в языке лишь постепенно. В языке XIII—XIV вв. он не стал еще четким показателем грамматических отношений, выражавшихся ранее падежными флексиями, и без него могли обходиться как при передаче отношений принадлежности, так и при выражении объектных, количественно-отделительных и других отношений. Ср., например: *...an excellent man in oure lady love* (Trev., VII, 39; в переводе XV в. по Harl. MS.: *in the luffe of our blissede lady*) «превосходный человек в любви к нашей (счастливой) госпоже»; *alðridde dale mi lond* (Lay., I, 45) «вся третья часть моей страны», *from ðe oðer dele of Englonð* (Trev., II, 85) «из другой части Англии» и т. д.

Однако, в отличие от судьбы форм с остаточной флексией родительного падежа *-es* как средства выражения объектных, количественно-отделительных и других отношений¹, формы на *-es* в сфере выражения отношений принадлежности не только не исчезают, а наоборот, постепенно закрепляются в языке для передачи именно этих отношений.

Почему же формы на *-es* закрепляются в языке для выражения отношений принадлежности, исчезнув в то же время из сферы выражения всех других отношений, передававшихся родительным падежом в древнеанглийском языке? Прежде чем искать ответ на этот вопрос, рассмотрим некоторые другие изменения в системе языка в среднеанглийский период, связанные с судьбой родительного падежа.

*

В древнеанглийском языке были чрезвычайно употребительны сложные существительные определительного типа, первым компонентом которых являлась основа существительного. О степени распространенности таких сложных существительных в этом языке дает представление словарь Дж. Босворта-Т. Толлера, в котором приведено, например, свыше 100 сложных существительных, первым компонентом которых является *weo-* (*weorold-* (например, *weoroldcýning* «земной владыка» и т. п.), около 60 сложных существительных с первым компонентом *sae-* (*sægrund* «морское дно» и т. п.) и многие другие. Первый компонент подобных сложных слов имел обобщенное значение и характеризовал второй компонент подобно прилагательному [ср. *on saelicum grunde* (L. S., XI, 190) «на морском дне»].

Отношения, аналогичные тем, которые выражались компонентами сложных существительных рассматриваемого типа, могли также передаваться при помощи словосочетаний с существительным в родительном падеже (в этом случае, при наличии адъективного местоимения или артикля, они относились к существительному, определяемому формой родительного падежа, и согласовывались с ним в роде, числе и падеже, подобно тому, как адъективное местоимение или артикль, а также прилагательное согласовывались с последним, определяемым компонентом сложного существительного). Ср., например, *þone ilcan saes earm* (Or., 16, 30) «тот самый рукав моря (= морской)» — *se saeearm* (Or., 22, 4) «(этот) морской рукав»; *on wintres daege* (L. S., XXXIV, 103) «в день зимы (= зимний)» — *winterdaeg* (Bosw., 1236) «зимний день» и т. д., и т. п.

Однако, в отличие от первого компонента сложных существительных, имеющего обобщенное значение, существительное в родительном падеже в словосочетании могло иметь и индивидуализированное значение, обозначая предмет или лицо (группу предметов или лиц), с

¹ Эти отношения в памятниках конца среднеанглийского — начала новоанглийского периодов уже передаются либо посредством словосочетаний с предлогом *of*, либо без него.

которым находится в тех или иных отношениях предмет, обозначенный определяемым существительным. В этом случае, при наличии адъективного местоимения или артикля, они относились к форме родительного падежа и согласовывались с ней в роде, числе и падеже: *þaes saes earm* (Ог., 16,24) «рукав (этого) моря» и т. п.

Различие между компонентами указанных словосочетаний и сложных слов поддерживалось в древнеанглийском языке благодаря падежной флексии в первом (определяющем) компоненте словосочетания. На фоне грамматически оформленных существительных первый компонент сложных слов выступал как несамостоятельная языковая единица, не имеющая своего оформления как часть сложного слова, что получало отражение в слитном написании компонентов сложного слова в древнеанглийских памятниках, а в устной речи — в наличии объединяющего, главного ударения на первом компоненте и менее сильного, второстепенного — на втором ¹.

С появлением же тенденции к отпадению падежных окончаний, захватившей также и сферу выражения определительных отношений, исчезло различие между первыми компонентами словосочетания и сложного существительного рассматриваемого типа; первый компонент сложного существительного (*sae-*, *weorold-* и т. д.) уже ничем не отличался от первого компонента словосочетания — формы существительного без окончания (*sae*, *weorold* и т. д.). Естественным следствием этого явилось распадение сложных существительных, первый компонент которых стал восприниматься как самостоятельное слово, подобное первому компоненту словосочетаний.

Происшедшее переосмысление компонентов сложных существительных рассматриваемого типа получило отражение в раздельном их написании в среднеанглийских памятниках, например: *bi hire weoreld kinge* (Lay., I, 270) «от ее земного владыки», *atte see ground* (С. М., 20952) «на морском дне» и т. д.

В устной речи переосмысление компонентов подобных сложных существительных как самостоятельных слов нашло отражение в появлении ровного, одинаково сильного ударения на первом и втором компонентах ², подобного ударению в субстантивных словосочетаниях с формой на *(e)s* или с прилагательным.

Расщепление большого количества сложных существительных вследствие переосмысления их компонентов как самостоятельных слов привело к наводнению языка второй половины XIII—XIV вв. словосочетаниями, определяющий компонент которых — нейтральная к падежу форма существительного (без *-es*) — имеет обобщенное значение, выражая, подобно прилагательному, относительный или качественно-относительный признак.

Указанным словосочетаниям противостоят в языке второй половины XIII—XIV вв. словосочетания, определяющий компонент которых — форма существительного с остаточной флексией родительного падежа *-(e)s* или нейтральная к падежу форма (без *-es*) — имеет индивидуализированное значение, т. е. указывает на конкретный предмет: *ðiswerldes strif* (Gen. and Ex., 2440) «страдание этого мира» и т. п.

¹ По вопросу об ударении в древнеанглийских сложных словах см., например, А. И. Смирницкий, Древнеанглийский язык, М., 1955, стр. 61—64, 162.

² Таково ударение в подобных словосочетаниях и в современном английском языке: *world events* «мировые события», *sea storm* «морская буря» и т. п. По вопросу об ударении в словосочетаниях этого типа см.: H. Sweet, A new English grammar, logical and historical, part I, Oxford, 1900, стр. 63, 288; O. Jespersen, A modern English grammar on historical principles, part II, vol. I, Heidelberg, 1922, стр. 313.

Словосочетания этих двух типов не имеют последовательного и четкого оформления, которое позволило бы их во всех случаях ясно различать, поскольку определяющим компонентом не только словосочетаний первого типа, но и словосочетаний второго типа может быть нейтральная (без *-es*) к падежу форма существительного. Возможность же уточнения отношений между компонентами указанных словосочетаний при помощи форм согласования исчезает с разрушением падежной системы артикля, адъективных местоимений и прилагательных.

В этих условиях, когда в языке вследствие отмирания падежных окончаний и вызванного им расщепления сложных существительных получили большое распространение субстантивные беспредложные словосочетания с существительным в нейтральной к падежу форме, выражающим относительный или качественно-относительный признак, остаточная флексия родительного падежа *-(e)s* переосмысливается как показатель притяжательности и постепенно закрепляется в языке в этом значении.

*

Процесс переосмысления остаточной флексии родительного падежа как показателя притяжательности происходит на протяжении XIII—XIV вв. В многочисленных памятниках этого времени, написанных на разных диалектах, остаточная флексия родительного падежа *-es* (*-is*) часто уподобляется, вследствие звукового совпадения, местоименной форме *his*¹, употребление которой в это время все более ограничивается сферой выражения притяжательных отношений. Ср., например: *in Arthur his halle* (Lay., B., III, 124; в рукописи A: *in Ardures halle*) «в чертоге Артура», *Seth his lyue* (C. M., 1456 — Tr.; в рукописи G.: *Sethis lyue*) «жизнь Сета» и т. п.

Однако уподобление остаточной флексии родительного падежа *-es* (*-is*) в местоименной форме *his* было лишь частичным. В отличие от последней, соотносившейся только с существительными, обозначающими лиц мужского пола и неодушевленные предметы, постпозитивный элемент (*h*)*is* мог следовать и за существительными, обозначающими лиц женского пола, за женскими именами. Например: *...for Gwenayfer his love, woman heom leofuest* (Lay., II, 511; в рукописи A: *for Wenhaeuere lufe*) «из-за любви Венхавер, женщины для него самой дорогой» и т. п.

Подобные случаи указывают на то, что постпозитивный притяжательный элемент (*h*)*is*, не терявший своей генетической связи с формантом *-es* (*-is*) во второй половине XIII—XIV вв., имел более абстрактное значение, чем местоименная форма *his*. На то, что постпозитивный элемент (*h*)*is* имел характер скорее морфемы с абстрактным значением показателя притяжательности, чем самостоятельной лексической единицы, указывают также нередкие случаи соединения этого элемента с существительным, к которому он относится, посредством дефиса: *for abraham-is wif* (Gen. and Ex., 1181) «из-за жены Авраама».

Появление постпозитивного притяжательного элемента (*h*)*is* в XIII в. явилось следствием начавшегося переосмысления остаточной флексии родительного падежа *-es* (*-is*) в показатель притяжательности. Эта остаточная флексия — осколок старой падежной системы — в новых условиях, когда имя существительное перестает изменяться по падежам, приобретает новое содержание подобно другой, омонимичной ей остаточной флексии *-es*, которая из показателя именительного-винительного падежа множественного числа древнеанглийских существительных того же

¹ Гласный форманта *-es* (другой графический вариант *-is*) был подобен гласному местоименной формы *his* в неударном положении. Что же касается начального придыхательного, то он в неударном положении был настолько слаб, что на письме букву *h* нередко опускали.

морфологического типа в процессе разрушения падежной системы переосмысливается в показатель множественного числа существительных.

Сохранение и закрепление в языке форманта *-es* как показателя притяжательности и омонимичного ему суффикса множественного числа существительных *-es* было обусловлено потребностью формально дифференцировать в одном случае — отношения компонентов субстантивных беспредложных словосочетаний в зависимости от значения притяжательного компонента (формы существительного), в другом — различия в числе.

Так, вопреки наметившейся во второй половине XIII—XIV вв. (и проявлявшейся даже в XV—XVI вв.) тенденции к употреблению форм существительных без форманта *-(e)s* для выражения притяжательных отношений и благодаря переосмыслению остаточной флексии родительного падежа *-(e)s* в показатель притяжательности, в языке закрепляются притяжательные формы на *-(e)s*, которые в начале новоанглийского периода окончательно вытесняют из сферы выражения притяжательных отношений формы существительных без форманта *-(e)s*. На долю последних в субстантивных беспредложных словосочетаниях остается лишь выражение относительного или качественно-относительного признака.

За притяжательными формами на *-(e)s* закрепляется значение индивидуализирующего выделения предмета путем указания на другой предмет (обычно лицо), с которым первый находится в притяжательных отношениях, т. е. отношения принадлежности в широком смысле (включая субъектные отношения). Например, у Шекспира: *the Diuels teeth* (Othello) «зубы дьявола». Ср. *It hath pleas'd the diuell drunkennesse, to giue place to the diuell wrath* (Othello) «Дьявольское пьянство пожелало уступить место дьявольской ярости» и т. п.

Ту же функцию выполняют притяжательные формы, когда они указывают на определенный отрезок времени, к которому относится предмет, обозначенный определяемым существительным: *the mornings eye* (Romeo and Juliet) «глаз утра». Ср. *these morning duties* (Hamlet) «эти утренние обязанности» и др.

Таким образом, многозначность древнеанглийской флексии родительного падежа, выражавшей самые различные отношения, с переосмыслением ее в показатель притяжательности сменяется однозначностью. При этом сокращается круг существительных, которые могут принимать формант *-(e)s*. Если в древнеанглийском все существительные употреблялись в форме родительного падежа, принимая то или иное окончание этого падежа, то в языке конца среднеанглийского и новоанглийского периодов в форме на *-(e)s* употребляются в основном существительные, обозначающие живые существа (примеры см. выше), реже — существительные, обозначающие неодушевленные предметы [названия стран, городов, планет и др.; например, у Шекспира: *Denmarks health* (Hamlet) «здоровье Дании», *the sunnes beames* (Romeo and Juliet) «лучи солнца» и т. п.] или отвлеченные понятия в случае их олицетворения [*Treasons tooth* (King Lear) «зуб измены» и т. п.], а также существительные, обозначающие какой-либо отрезок времени (примеры см. выше). Большая масса существительных отвлеченных, обозначающих качество, действие или состояние (типа *importance* «важность», *development* «развитие», *indignation* «негодование», *washing* «мытье», *weariness* «усталость») и многие существительные, обозначающие неодушевленные предметы, лишены возможности употребляться в форме на *-(e)s*, т. е. не могут выражать притяжательные отношения из-за их лексического значения. Таким образом, употребление существительных в притяжательной форме на *-(e)s* ставится в зависимость от их значения.

С переосмыслением форманта *-(e)s* как показателя притяжательности он перестает также выражать число. В среднеанглийский период

при выражении притяжательных отношений формант притяжательности *-(e)s* начинают принимать во множественном числе несколько существительных, которые образуют формы множественного числа без суффикса множественного числа *-(e)s*: *ofer mens ill fare* (С. М., 27680) «несчастье других людей» и т. п. В таких случаях число выражается только посредством изменения корневой гласной. Что же касается основной массы существительных, образующих множественное число при помощи суффикса *-(e)s*, то выражение притяжательных отношений во множественном числе стало осуществляться их формами множественного числа.

Однако в дальнейшем, несколько веков спустя (к концу XVIII в.), формы множественного числа на *-(e)s* в словосочетаниях, выражающих притяжательные отношения, получают апострофическое оформление на письме. Появление апострофа после *-(e)s* в формах множественного числа могло явиться следствием истолкования конечного *-(e)s* как форманта, в котором совпали однозвучные показатели — суффикс множественного числа и показатель притяжательности. Такому пониманию конечного *-(e)s* в формах множественного числа могло способствовать сравнение с притяжательными формами множественного числа типа *men's*, *women's*, где показатель притяжательности сосуществует с показателем числа — чередованием корневой гласной.

Использование апострофа явилось удобным средством различия на письме в условиях отсутствия форм согласования (за исключением *this — these, that — those*) притяжательных форм и омонимичных им форм множественного числа на *-(e)s* [ср. *the boy's jokes* «шутки (этого) мальчика»; *the boys' jokes* «шутки (этих) мальчиков» и т. п.]. Этим, очевидно, объясняется то широкое распространение, которое получило апострофическое оформление в словосочетаниях, выражающих притяжательные отношения.

Указанные выше изменения, происшедшие в природе остаточной флексии родительного падежа *-(e)s* в среднеанглийский период вследствие ее переосмысления в показатель притяжательности, привели к превращению ее в формообразующий суффикс. При помощи этого суффикса образуются притяжательные формы существительных, противопоставляемые основным или исходным (без *-es*) формам, которые в субстантивных беспредложных словосочетаниях имеют обобщенное значение, выражая относительный или качественно-относительный признак. Таким образом, категория падежа с отпадением падежных окончаний в среднеанглийский период и переосмыслением остаточной флексии родительного падежа *-(e)s* как показателя притяжательности уходит в прошлое, уступая место новой грамматической категории в системе имени существительного — категории притяжательности¹.

С переосмыслением форманта *-(e)s* как показателя притяжательности он приобретает характер агглютинативной морфемы. Агглютинативность притяжательного суффикса определилась морфолого-синтаксическими условиями, в которых происходило его становление. Широкое употребление в субстантивных беспредложных словосочетаниях существительных в исходной форме для выражения относительного или качественно-относительного признака делало необходимым формальное отграничение от них тех словосочетаний, в которых передаются притяжатель-

¹ Категория притяжательности свойственна некоторым другим языкам. Так например, в русском языке под эту категорию подводятся притяжательные прилагательные. Категория притяжательности в русском языке выделяется в системе прилагательных (и местоимений), в которой противопоставляются притяжательные и относительные или качественно-относительные прилагательные (см. В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л. 1947, стр. 191—192).

ные отношения. Таким средством явился формант *-(e)s*, присоединением которого к исходной форме существительного достигалась формальная дифференциация субстантивных беспредложных словосочетаний в зависимости от выражаемых ими отношений.

Осмысление притяжательного суффикса как некой «прилепы» к исходной форме существительного сказалось в уничтожении в конце среднеанглийского — начале новоанглийского периодов чередования глухих и звонких фрикативных согласных [*f — v, θ — ð, s — z*] в основе многих существительных, наблюдавшегося ранее в падежных формах. Ср. др.-англ. именительный падеж *wif, deaþ, hūs*, род. падеж *wifes, deaþes, hūses*¹, ново-англ. исходные формы *wife, death, house*, притяжательные формы *wife's, death's, house's*.

В тех случаях, когда определяющий компонент словосочетания, выражающего притяжательные отношения, имеет при себе определения (прилагательные, адъективные местоимения), этот агглютинативный формант присоединяется к существительному с относящимися к нему словами, т. е. по существу — к целой группе слов. Данное свойство рассматриваемого форманта появляется в среднеанглийский период в связи с исчезновением падежной дифференциации прилагательных, адъективных местоимений и артикля. Способность притяжательного суффикса присоединяться к целой группе слов развивается по мере упрочения связей между словами и фиксации порядка слов, что было обусловлено отмиранием морфологических средств выражения отношений между словами.

С конца среднеанглийского периода единой группой, к которой присоединяется показатель притяжательности *-(e)s*, все чаще начинает выступать существительное с относящимися к нему словами, которые являются приложением к существительному. Уже у Тревицы, наряду с обычными для него примерами типа *in the popes time þe Grete Gregory* (Trev., I, 279) «во времена папы Григория Великого», где существительное-приложение к определяющему компоненту словосочетания отделено от него определяемым (главным) компонентом и не оформляется притяжательным суффиксом, встречаются примеры, где существительное и относящееся к нему приложение выступают единой группой, к которой присоединяется показатель притяжательности. Ср. *in Nemproot þe geauntes tyme* (Trev., I, 95) «во времена Немброта-великана». В дальнейшем такие атрибутивные группы становятся все более обычными.

С развитием субстантивных беспредложных словосочетаний и упрочением связей между словами в условиях аналитического строя атрибутивные группы получают в новоанглийский период большое распространение, включая в себя различные сочетания слов вплоть до предложения. Например: *There is a sort of Oh-what-a-wicked world-this-is-and-how-I-could-do-something-to make-it-better-and-nobler expression about Montmorency* (J. K. Jerome, 'Three men in a boat'). При выражении притяжательных отношений к подобным атрибутивным группам присоединяется показатель притяжательности *-'s*. Ср. *What do you call him's sôn*² «сын этого, как вы его там называете».

Таким образом, способность притяжательного суффикса присоединяться к группе слов обусловлена его агглютинативным характером и аналитическим строем английского языка, для которого характерно наличие особенно тесной связи между словами, дающей возможность группе слов, семантически тесно связанных между собой, выступать в предложении подобно отдельному слову.

¹ В положении между гласными были звонкие фрикативные согласные.

² См. G. O. Curme, *A grammar of the English language*, vol. III, Boston — London, 1931, стр. 78.

В исторических грамматиках английского языка судьба родительного падежа существительного противопоставляется судьбе родительного падежа древнеанглийских личных местоимений. В действительности же формы родительного падежа личных местоимений прошли тот же путь развития, что и формы родительного падежа существительных, — от многозначности падежных форм до однозначности выразителей притяжательных отношений.

В древнеанглийском языке формы родительного падежа личных местоимений, а также вопросительно-относительных и указательных местоимений употреблялись для выражения в основном тех же самых отношений, что и формы родительного падежа существительных, с которыми они соотносились. Разрушение родительного падежа существительных и переосмысление остаточной флексии этого падежа *-(e)s* в показатель притяжательности не могли не отразиться на судьбе форм родительного падежа указанных местоимений, соотносившихся с формами родительного падежа существительных. Параллельно тому, как формы с остаточной флексией родительного падежа *-(e)s* в сфере выражения притяжательных отношений переосмыслились как притяжательные формы и исчезали из сфер выражения других отношений, передававшихся в древнеанглийском при помощи родительного падежа, соотносившихся с ними формы родительного падежа личных и вопросительно-относительных местоимений все более замыкались в сфере выражения притяжательных отношений, превращаясь в притяжательные формы этих местоимений [*my (mine)* «мой», *thy (thine)* «твой», *his* «его», *her* «ее», *its*¹ «его», *our* «наш», *your* «ваш», *their* «их», *whose* «чей»].

С переосмыслением форманта *-(e)s* как показателя притяжательности *-(e)s* проникает также в систему формирующихся в это же время (XIII—XIV вв.) притяжательных форм личных местоимений.

В распространении суффикса *-(e)s* на притяжательные формы личных местоимений проявилась общность функций притяжательных форм личных местоимений и существительных. Закрепление этого суффикса за притяжательными формами личных местоимений в их самостоятельном (без определяемого существительного) употреблении (за исключением притяжательных форм личных местоимений 1-го и 3-го лица единственного числа *mine* и *his*) привело к образованию второго ряда притяжательных форм личных местоимений: (*mine, his*), *hers, its, ours, yours, theirs*.

Что же касается форм родительного падежа указательных местоимений, то они в среднеанглийский период совсем исчезают, не получив дальнейшего развития, так как в новых условиях, возникших вследствие разрушения родительного падежа в системе имени и развития категории притяжательности, надобность в особых формах указательных местоимений, отличных от их исходных форм, отпадает. Функцию индивидуализирующего выделения предмета принимают на себя их исходные формы.

Таким образом, развившаяся к концу среднеанглийского периода категория притяжательности включила в себя притяжательные формы существительных и местоимений (личных и вопросительно-относительных), назначением которых является индивидуализирующее выделение предмета путем указания на другой предмет (обычно лицо), с которым первый находится в отношениях принадлежности в широком смысле.

¹ Притяжательная местоименная форма *its* появилась в начале новоанглийского периода в результате присоединения показателя притяжательности *-s* к местоименной форме *it*, употреблявшейся во второй половине среднеанглийского — начале новоанглийского периодов вместо *his* для выражения притяжательных отношений.

В состав притяжательных форм вошли также притяжательные формы некоторых неопределенных местоимений (*one's, another's, other's*), появление которых относится к среднеанглийскому периоду. В дальнейшем их состав пополнился за счет образования притяжательных форм других неопределенных, а также отрицательных и взаимных местоимений, сформировавшихся в языке в новоанглийский период — *somebody's, anybody's, everybody's, someone's, anyone's, everyone's, nobody's, no one's, each other's, one another's*. Эти формы образовались путем присоединения притяжательного суффикса к исходным формам местоимений.

*

Персосмысление остаточной флексии родительного падежа *-(e)s* в притяжательный суффикс обусловило появление в конце среднеанглийского периода и широкое распространение в новоанглийский период случаев самостоятельного употребления притяжательных форм существительных в качестве названия церкви, местечка, города, общины, округа, горы и т. п. Ср., например: *in the churche yerd of Seynt Donstones* (Wills, 21, 22) «на кладбище церкви св. Дунстана»; *Saint Helens* «город св. Елены» (также городской район, вершина горы) и т. п.¹

Притяжательная форма существительного, отрываясь от определяемого слова и теряя его, становится также названием частного дома, указывая на его владельца [ср. у Шекспира: *at the dukes* (Othello) «во дворце дожа»], а также магазина, аптеки и др.

В подобных случаях формообразующий притяжательный суффикс имеет тенденцию к перерастанию в словообразовательный суффикс², при помощи которого образуются названия городов, церквей и пр. Пока представляется возможным говорить лишь о тенденции, но не о законченном процессе перерастания формообразующего суффикса в словообразовательный, так как между такими названиями городов, церквей и пр. и притяжательными формами в их обычном употреблении с определяемым существительным в современном английском языке существует самая непосредственная связь, которая проявляется в том, что наряду с формами на *-s* без определяемого существительного в качестве названия церкви, города, магазина и др. широко употребляются притяжательные формы с определяемым существительным: *at the butcher's* и *at the butcher's shop* «в лавке мясника» и т. д.

Притяжательные формы (нарицательных существительных) развиваются также в другом направлении. Они могут терять характерное для них притяжательное значение, приобретая относительное или качественно-относительное, характерное для прилагательных и существительных в исходной форме в субстантивных беспредложных словосочетаниях. Ср., например, у Шекспира: *I'll break your knaves pate* (The Comedy of Errors) «Я разобью твою плутовскую башку»; в современном языке: *He knew they were reaching out their woman's hands to him* (J. London, Martin Eden) «Он знал, что они простирают свои женские руки к нему».

В отличие от притяжательных форм в их функции индивидуализирующего выделения предмета, имеющих в качестве эквивалента сочетание предлога *of* с существительным [*the (a) woman's hands* = *the hands of the (a) woman* «руки (данной или некой) женщины» и т. п.], притяжательные

¹ См. «Webster's new international dictionary of the English language», London, 1936, стр. 3119—3120. Образование подобных названий городов и др. в английском языке очень напоминает образование названий городов и поселений из притяжательных прилагательных на *-ov* и *-in* в русском языке (Романов, Борисов, Юрьев, Царицын и т. п.) (см. В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 197).

² См. Б. А. Ильин, Современный английский язык, 2-е изд., М., 1948, стр. 100—101.

формы в случаях, подобных приведенным выше, где они имеют относительное или качественно-относительное значение, не могут быть заменены предложно-именным сочетанием (нельзя сказать: *their hands of a (the) woman* и т. п.), так как именной компонент такого сочетания имеет субстантивное значение, обозначая лицо, к которому относится предмет, выраженный определяемым существительным.

Развитие относительного или качественно-относительного значения наблюдается также у притяжательных форм существительных, обозначающих отрезки времени. Например, в современном языке: *his day's work* «его дневная работа». Здесь также притяжательная форма не может быть заменена предложно-именным сочетанием. В функции же индивидуализирующего выделения предмета та же притяжательная форма может иметь в качестве эквивалента предложно-именное сочетание (*this day's events = the events of this day* «события этого дня»).

Приобретая относительное или качественно-относительное значение, притяжательная форма теряет способность иметь при себе артикль или какой-нибудь другой определитель, подобно исходной форме существительного, выступающей в субстантивных беспредложных словосочетаниях в относительном или качественно-относительном значении [стоящий впереди определитель в таких случаях относится к последнему (главному) компоненту словосочетания]. Однако развитие относительного (качественно-относительного) значения в притяжательных формах существительных нарицательных не влечет за собой перехода их в разряд прилагательных¹, подобно тому, как относительное (качественно-относительное) значение исходной формы существительного в субстантивных беспредложных словосочетаниях не делает ее прилагательным. Указанное значение притяжательных форм, как и исходных форм существительных, является производным от их основного значения и реализуется только в определенных синтаксических условиях — в субстантивных беспредложных словосочетаниях, где они могут заменять прилагательные.

*

В заключение необходимо отметить следующее. Языковые процессы, действовавшие в системе имени в древне- и среднеанглийский периоды, привели не к сокращению числа падежей существительного, а к полному их разрушению. Оставшиеся от древней флективной системы существительного окончания им.-вин. падежа множественного числа древнеанглийских существительных с основой на -o (-as > -es) и родительного падежа единственного числа существительных того же морфологического типа (-es) пережили ломку падежной системы потому, что в новых условиях, когда имя существительное перестает изменяться по падежам, они получают применение: первое — как показатель множественного числа, второе — как показатель притяжательности. При помощи первого суффикса стали образовываться формы множественного числа существительных, противопоставляемые формам единственного числа или сходным формам, при помощи второго — притяжательные формы, противопоставляемые исходным формам, которые в субстантивных беспредложных словосочетаниях имеют обобщенное значение, выражая относительный или качественно-относительный признак.

¹ В русском языке развитие качественности в притяжательных формах, связанное с устранением в них оттенка личной принадлежности, достигается переводом их в разряд полных прилагательных (ср. *отцов* и *отцовский*, *женитов* и *женитовский* и т. п.). (см. В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 193).